

Муниципальное бюджетное учреждение
«Библиотека им. Маяковского»

ВОСПОМИНАНИЯ
ОДИНЕЦ ЕКАТЕРИНЫ ДМИТРИЕВНЫ

СЛЮД-БАРГИНСКИЙ РУДНИК
РЫБИНСКОГО РАЙОНА
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

2020 ГОД.

Когда оно придёт - согласие и примирение?

Каждый прожитый день неповторим, судьба каждого человека - история. Всё это нами слышано-переслышано и кажется просто банальностью, говоримой пуще для красного словца.

Оглянешься вокруг вроде никому ничего не нужно. Сколько нашей истории в буквальном смысле пропадает на свалках...

Проходят годы, сменяются поколения, и когда уж никаких «живых свидетелей эпохи» не остаётся, бывает, отдельных потомков вдруг осеняет — и они приступают к поиску свидетельств давно прошедших событий.

Но где ж их найдёшь по прошествии ста лет? Вот тут уж и цепляются за каждую мелочь, и судьба каждого, самого обычного человека представляется заслуживающей внимания.

Такой интерес сам по себе вполне достоин уважения (лучше поздно, чем никогда), лишь бы это занятие не являлось, как это часто бывает, быстропроходящей, поверхностной компанейщиной.

Я прочла недавно, что вот сейчас зеленогорская библиотека имени В.В.Маяковского занимается проектом — восстановлением «истории переселенцев в воспоминаниях их потомков». И конкретно речь идёт о существовавшем 90 лет назад слюдяном руднике на реке Барге. Это место находится вблизи города Зеленогорска.

От рудника давным-давно ничего не осталось. Тот, кто бывал в том месте, говорит, что кое-где есть уже занесённые землёй холмы из когда- то добытой слюды (она, по словам спецов, была очень невысокого качества), прежде очень глубокие шурфы сами по себе от времени пообвалились. Сама я никогда не была в тех местах.

Просматривая опубликованный перечень семей, живших в тридцатые годы прошлого века на Баргинском слюдруднике, я нашла в нём фамилию Одинцовых, что проживали там на улице Центральной. И задумалась над этой записью: не перепутана ли немного фамилия?

Если да, то это должны быть мои близкие родственники, которые попали туда в 1930 году и пробыли до 1936 года. Их фамилия была — Одинец.

На руднике в ту пору оказалось два родных брата:

Василий Емельянович и Лука Емельянович. Василий Емельянович был старшим. И это мой дед.

Как же они туда попали? Может, стоит начать, как они вообще стали сибиряками?

Василий и Лука родились-то уже здесь - на территории нынешнего Рыбинского района, в селе Переясловка (старший — точно в 1896 году, младший — примерно в 1899-м). Но вот их отец (мой прадед) пришёл в Сибирь из далёкой Полтавской губернии. И было это в XIX веке.

Причиной такого крутого поворота в судьбе Емельяна, как вспоминали родственники, послужило поведение его отца — моего прапрадеда Никифора Одинца.

Из детей у Никифора был один сын. Про его жену никто не вспоминал, будто её и не существовало. Может, она умерла. Всегда только о нём говорили, причём как о человеке, который жил неплохо, обеспеченной по тем меркам жизнью.

Как я понимаю, Никифор был очень верующим человеком. Само по себе это не удивительно в стране, где правил царь — помазанник Божий, где все от мала до велика ходили в церковь и некрещёный человек, атеист был пока ещё в большую диковинку.

Никифор сына выучил в семинарии, то есть поставил на ноги. А потом вдруг изумил всех тем, что, раздав всё своё имущество бедным, отправился в святую землю — далёкий Иерусалим. Путешествие его длилось долго (самолётами тогда не летали, автобусами не ездили), и, как мне представляется, мой искренне уверовавший в Божьи заповеди предок в основном туда и обратно шёл пешком.

А потрясённый сын его Емельян тем временем тоже двинулся в неблизкий поход, только на восток — в суровую, пугающую жителей тёплых западных областей одним своим названием Сибирь.

Он, конечно, ехал не один. Разузнал, что есть такие смелые люди, готовые за землёй отправиться пусть и за тысячи вёрст. Тогда по всей Российской империи слух шёл, что в Сибири, мол, так много свободной земли, что сколько сможешь осилить-обработать, та и будет, без ограничений, вся твоя!

Помню, мой отец, говоря об этом, всё время вспоминал о каких-то ходаках. Как я понимаю, это были своего рода разведчики, которые одни, без семей и прочего, ходили в Сибирь посмотреть, как там и что, а потом, возвращаясь, рассказывали об увиденном и решали, стоит ли отправляться туда насовсем.

Ушёл ли мой прадед с такими ходоками или был среди тех, кто возвратившимся ходокам поверил? Но итог был один: отправились в Сибирь хохлы-переселенцы за лучшей долей.

А Никифор из Иерусалима принёс с собой на Полтавщину драгоценную лампаду со святым огнём. Только родственники, хоть и православные люди, не оценили его благочестивый подвиг, для них главным было другое – реальная жизнь с ее насущными ценностями. Недовольные, они попрекали Никифора: «Из-за тебя сын твой в Сибирь пошел!».

Однажды ночью, когда Никифор уснул, родственники, у которых он остановился, огонь в его лампаде погасили. Жалко мне своего прапрадеда - как же горько же ему было! Он ведь почти святой человек был.

Прилетел ли этим злым родственникам за их кощунство бумеранг от судьбы, неизвестно, потому что одинокий Никифор отправился к своему сыну Емельяну в Сибирь. И больше никто из них на Украине не был.

Стала для них родным местом Переясловка. Здесь Емельян построил дом, женился, пошли дети... В селе построили церковь. Емельян туда не ходил, так как попов на дух не переносил. Но все службы знал, и всё, что надо, «читал» сам дома. А вот жена его в церковь ходила аккуратно, и он ей не запрещал, хоть и называл «попова рислужница».

А отец Емельяна — Никифор — от переясловской церкви оторваться не мог! Каждый день ходил туда: помогал чем мог, с любовью сажал вокруг молодые берёзки, старательно носил воду, поливал, чтобы помочь им прижиться... А когда умер, возле церкви был и похоронен.

Но вот настали революционные времена, когда «Бога нет, царя не надо, и попов не признаём, провались земля и небо, мы на кочке проживём!» И, как многие другие, большие и маленькие храмы, «провалилась» в небытие переясловская церковь — разрушили её.

И, затоптанная, затерялась могила Никифора, ходившего когда-то в Иерусалим.

У Емельяна Оди́нца выросли сыновья, обзавелись семьями. Как следствие, появилась куча внуков. Мой отец — Дмитрий Васильевич Оди́нец — своего деда очень уважал, до конца его жизни оставался для него Емельян Никифорович большим авторитетом.

А в детстве, он его, наверно, обожал! Дед ведь не только был грамотный, но ещё и мастер на все руки — как по дереву, так и по железу. И саночки, и коньки, и

другие драгоценные для маленького Мити вещи находил время и желание смастерить.

И с первой книжкой, чтобы научиться читать бежал Митя к деду, и защитой, когда, бывало, грозило несправедливое наказание от матери. И тот вступился, повзрослому вникая в ситуацию, не отмахиваясь от детских проблем. Хотя своих ведь хватало.

Труд, труд, труд — вот что нужно было в селе, чтобы выжить. Это требовалось от всех членов семьи, начиная с малолетства. И уж совсем тяжело стало в непростые послереволюционные времена, когда разруха была во всём, и в головах у людей тоже.

Умелый Емельян Одинец сам сделал маслобойку, вроде очень простую по устройству, но эффективную (что и требовалось) по результату, и односельчане ходили к нему бить масло. Сыновья у Емельяна тоже способными к мастеровой работе оказались, и потому жили они не хуже, а может, получше других.

В двадцатых годах, когда внук Дмитрий был ещё мальчиком, дед Емельян умер от дизентерии. Это, в принципе, не смертельный диагноз, но вокруг ни врачей, ни лекарств...

Митя запомнил похороны деда: весна, дождь, яма в чёрной, размокшей кладбищенской земле, куда опускали гроб... Всё, что осталось у мальчика с той поры, — это только то, что сохранила память. Ни фотографий, ни писем, ни вещей.

С кем-то из местной, маленькой, но власти, поспорил в недобрый час Василий Емельянович. Стали очень зажимать, мстить. Угрозы усиливались, и, наказав жене отдавать за продналог всё, сколько бы там ни насчитали (лишь бы самих оставили), Василий Одинец уехал к родственникам на Дальний Восток, чтобы там, в какой-то артели, и денег заработать, и переждать лихое время.

Он уехал, никого не посвятив в свои планы (а то бы и не выпустили), а его неприятели, хватившись, объявили его бандитом. Арестовали младшего брата Луку, избивали на ежедневных допросах: «Отвечай, где банда, в которую сбежал твой брат?» Из районной тюрьмы жена и дети везли Луку Емельяновича на саночках — думали, уже не жилец.

А семье Василия Емельяновича не помогло послушание в уплате налогов — выгнали из дома, лишили всего молодую женщину с четырьмя детьми. Пятого ребёнка-грудника, родившегося в январе 1929 года мальчика, выхватила одна родственница и заявила конвоирам: «Хоть убейте, не дам дитя!» И её не тронули почему-то, младенца не отобрали.

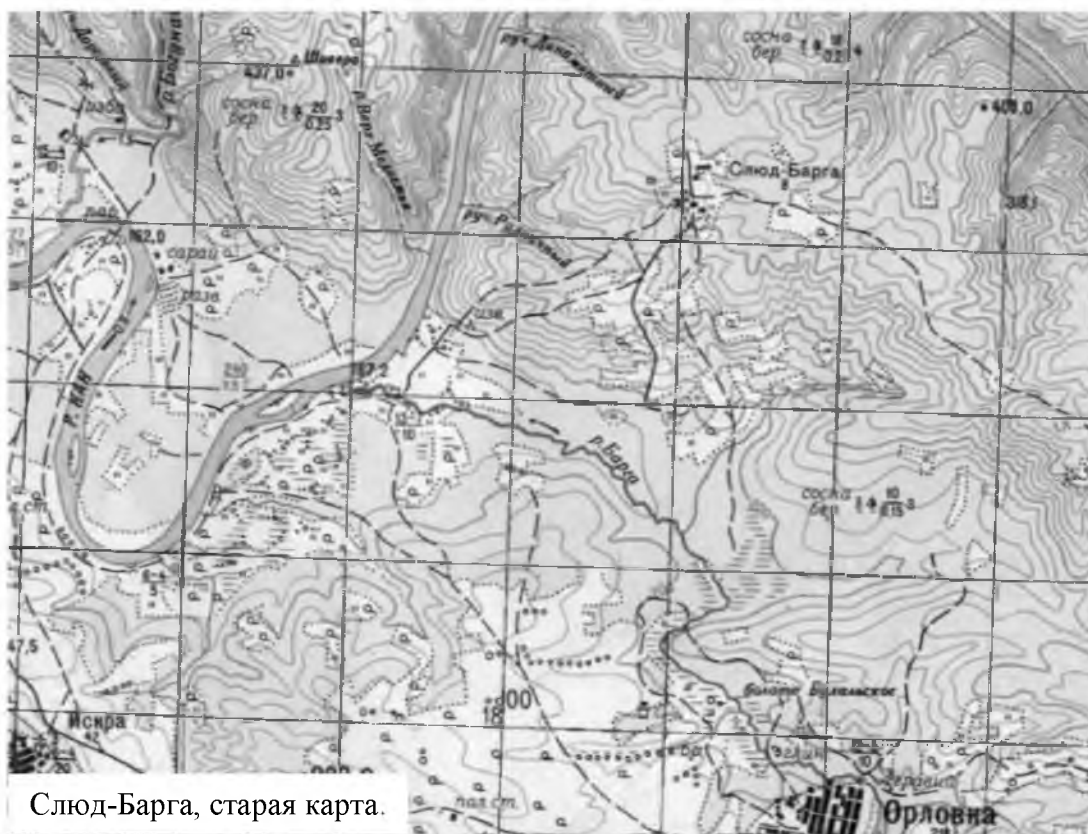
А остальных «врагов народа» посадили, как в клетку, в установленный на сани грязный короб, в котором вывозят на поля навоз, и по мартовскому морозу увезли из села в районный центр. А дальше — в Кежемский район, село Царицыно.

Вернее, ссыльные размещались где-то в тайге, вне села. Вероятно, это была Кодинская заимка. А в село молодая мать ходила искать работу (стирать ли бельё, ещё ли что), чтобы получить за свои труды немного еды. Этой пищи было, конечно, очень мало, дети пухли с голоду. Там, где-то в Кежемской тайге, навсегда осталась умершая папина сестрёнка Зина...

Заправляли на той ссылке всем два человека из НКВД — Козловский и Печенев. Их все очень боялись, и тот детский страх навсегда сохранил в памяти моего отца их фамилии и их поступки. Они стреляли людей и топили в проруби. «Мы слышали, как отчаянно кричали мужики: «Да за что?» А потом выстрелы и шум - плеск воды...»

Кто-то написал Василию Емельяновичу о том, что творится в Переяславке. Он, понимая, на что едет (но ведь семья...), попросил на работе расчёт и возвратился домой, где его, конечно, сразу арестовали. Отвезли в район.

Он объяснял, что ни в какой банде быть не мог, показывал справку с места работы, просил разрешения сделать дополнительный запрос в ту дальневосточную артель... «Сами запросим - надо будет», - ответили ему.

Просил отправить его к семье, которая в ссылке. Но те, кто решает, к счастью, поступили наоборот – вызвали семью из Кежемского района назад в Рыбинский, после чего всех отправили на Баргинский слюдрудник.

И там, на руднике, в одной избушке и проживали два брата по фамилии Одинец (их, наверно, перекрестили в Одинцовых): Василий с женой и тремя сыновьями, и Лука — тоже с женой и детьми (сколько их было, точно сказать я затрудняюсь, но не меньше четырёх).

На слюдруднике была школа, папа вспоминал, что учился в ней. И было очень голодно. Василий и Лука на две свои семьи завели корову. Поскольку мой папа был старшим из детей, то именно ему его отцом было велено за этой коровой убирать и корову кормить, для чего накопить достаточно сена. И Митя косил, убирал.

Только еды на всех всё равно было мало. Да ещё на кухне по большей части заправляла всем тётка Настя — жена дяди Луки, и, конечно же, она жалела больше своих собственных детишек. Митя, столкнувшись в очередной раз с её хитростью, испытывал уже не только голод, но и сильную обиду от несправедливости.

Со старшими тогда спорить было нельзя, и мальчишка бросался в дорогу, причём не близкою — с рудника до села Переясловка. Где-то ехал на телеге (это я уже так предполагаю, что кто-то попутно мог его подвезти), а в основном поспешал пешком.

В Переясловке в живых оставалась бабушка по матери (дед же скоростижно скончался от сердечного, приступа, когда арестовали и выслали дочь). Она, покормив и подбодрив внука, клала в его торбу-мешочек всё, что могла собрать (много-то и у неё не было), и Митя пускался в обратный путь.

Я когда представляю этого одинокого мальчика с мешочком за плечом и эту его дорогу, то просто сжимаюсь от тревоги за своего юного отца... Ведь так много голодных и просто лихих людей было везде — у него могли не только отобрать его драгоценный мешочек, но и самого жизни лишить. А проделывал такой путь Митя не один раз.

Люди с голоду умирали и, конечно, ели всё, что более-менее могло быть съедобным. Помнится рассказ про картофельные очистки. При этом надо иметь в виду, что тогда картошка чистилась очень тоненько, можно сказать, ювелирно, не то что мы сейчас срезаем кожуру зачастую толсто, не жалея.

На слюдруднике жила и семья Олейников (их фамилию я не нашла в перечне). С Полей Олейник мой папа учился в одном классе. У Поли был брат Ника. И когда их мать впервые сварила на обед или на ужин за неимением ничего другого

картофельные очистки, то Ника, поев, сказал: «Наверно, от голода лучше уж умереть, чем есть это...»

В 1936 году работы на Баргинском руднике стали сокращаться, и спецпереселенцев решили направлять в другие места. Лука Емельянович Одинец со своей семьёй попал в Усовку Рыбинского района. Василий Емельянович с семьёй, а также семья Олейников, были переведены на другой слюдрудник — Кондаки в Мотыгинский район, тогда называвшийся Удереиским. Там уже голода не было.

К сожалению, подробнее про Баргинский слюдрудник ни я, ни мои родственники рассказать ничего не можем. Ведь нам, уже «рождённым свободными», в 50—70-е годы прошлого века ни родители, ни бабушки-дедушки ничего особо и не говорили.

Да и нельзя было. А когда стало можно, то очень многих из старшего поколения уже не было в живых, а у тех, кто остался жив, возникли новые проблемы и с выживанием (вспомним «лихие 90-е»), и со здоровьем.

«Только душу и спасшим из семейных богатств», пережившим так много за свою жизнь (а им достался тот самый «век-волкодав» с потрясениями двадцатых, тридцатых годов, страшной войной, послевоенными трудностями), нашим родителям и дедам, казалось бы, позволительно было стенать и клясть всё и всех.

Но никто из нас — их детей и внуков — не смог припомнить, чтобы они жаловались на судьбу.

Наоборот, они являли нам другой пример — несмотря ни на что, надеялись на лучшее и радовались всему хорошему, что есть в этой жизни, и ценили её.

Хотя забыть о том, что выпало им на долю в том, пусть и далёком времени, бывшие «враги народа» и «спецпереселенцы», конечно, не могли.

Екатерина Одинец.

Бородино.

P. S. У нас, похоже, всё ещё идёт гражданская война. Это особенно наглядно видно в Интернете. Одни безоговорочно за революцию и советскую власть. Они хотят в ней видеть только хорошее, и упаси Бог сказать, что было, к сожалению, и плохое,— тебя начнут «рубать в капусту»!

И когда оно придёт — согласие и примирение? И понимание, что «все мы дети единой державы» — и белые, и красные. Рубали нещадно и рубим мы самих себя,

легко поддаваясь на провокации и «цацки», и нас остаётся всё меньше — и наши общие враги удовлетворённо потирают руки.

Приписка — главному редактору «КР»

Личных фотографий у меня к этому тексту нет. Только карты, что я нашла в Интернете.

Постскрипtum, что я вчера взялась писать, у меня получился размером с сам текст. В нём я рассуждала: зачем мужикам, самим «сославшим» себя в Сибирь, и сумевшим в тяжёлом труде вжиться, закрепиться на новом месте, все эти Марксовы пролетарии всех стран, которые до сих пор не соединились (и не соединятся!), зачем эти «передовые» и кровавые идеи?

Они сами были передовые. Если бы их не убивали, не вырывали с мест и вторично, а кого и третично, не ссылали, они жили, трудились, плодились и являлись бы защитниками геополитических интересов России. Не думая об этом, но являлись. И, вероятно, мы бы сейчас не охали, что Сибирь пустая, Дальний Восток тоже...

Революция принесла грамотность? А у меня деда и прадеды грамотные были по обеим линиям, и прапрадед Никифор, о котором я пишу, полагаю, был тоже.

Но я всё это удалила. А то, что написала — покороче — вы тоже можете удалить, потому что оно всё равно звучит как некий вызов.

И вообще можете мой текст не ставить. У меня, в принципе, не пойми что — не то про рудник, не то про историю семьи...